

Тема «предопределение» в вариациях лермонтовского «Фаталиста»

Кошемчук Татьяна Александровна*

Профессор кафедры лингвистики и международных коммуникаций
юридического факультета Санкт-Петербургского государственного аграрного
университета.
Санкт-Петербург, Россия.

(дата получения: март 2016 г.; дата принятия: июль 2016 г.)

Аннотация

В статье анализируется проблема предопределения, как она представлена в главе «Фаталист» лермонтовского романа. Проблема дается не в привычной дильности веры в судьбу или неверия, но как целый спектр различных представлений о судьбе, проверяемых в лермонтовском тексте: судьба в мусульманском варианте, в христианском понимании, в простонародном представлении, в духе древних мифологических верований, с позиций здравого смысла и современного критического сознания, исходя из глубокого опыта жизни. Композиционная основа этих многообразных вариаций темы судьбы – поединок двух основных типов отношений с судьбой – в двух экспериментах, Вулича и Печорина.

Ключевые слова: Лермонтов, фатализм, предопределение, эксперимент, судьба, грех, свобода.

* E-mail: koshemchukt@mail.ru

**The theme “predestination” in the variations of Lermontov’s
“Fatalist”**

Koshemchuk Tatiana Alexandrovna*

Professor of the department of linguistics and international communications, law
department of Saint-Petersburg Agrarian University,
Saint-Petersburg, Russia.

(Received: March 2016; Accepted: July 2016)

Abstract

The article deals with the problem of predestination in the last part of the Lermontov’s novel in chapter “Fatalist”. The problem is taken not in the traditional dualism of the belief in fate or negation of it, but as a spectrum of different ideas about fate: Moslem, Christian, traditional people’s beliefs, blind fate of old mythology, modern critical point of view, life experience. All these variants are organized in the composition round the struggle of two types of relations with the fate – in the experiments of Vulich and Pechorin.

Keywords: Lermontov, fatalism, predestination, experiment, fate, sin, freedom.

* E-mail: koshemchukt@mail.ru

Введение

В последней части романа «Герой нашего времени» М.Ю. Лермонтов обращается, как многократно об этом упоминалось, к мировоззренческим основаниям печоринской психологии. Лермонтовский герой – первый в череде персонажей 19 столетия, которые стремятся, по словам Ф.М. Достоевского, *мысль разрешить*. Печорин обращен ни к чему иному, как к проблеме предопределения, – и для русской духовной ситуации характерна эта первая теоретическая задача, поставленная перед собой героем, взявшимся философствовать. Он утверждает двойкое: «НЕТ ПРЕДОПРЕДЕЛЕНИЯ» – «Я ЕМУ ТВЕРДО ВЕРИЛ».

Проблема поставлена М.Ю. Лермонтовым в художественном контексте – в его 25 лет, уже зрелым мыслителем. В высшей степени значим способ рассмотрения: ключевая тема дана не столько в растяжке приведенных полярностей (*верю* или *не верю* в предопределение), сколько в ряде различных вариаций, и выстраиваются они отнюдь не в дилемму, но в круг многообразных версий. Их множественность дается уже в именовании: *фатализм, судьба, предопределение*. Поэтому отстаиваемые филологами точки зрения, которые легко систематизировать через «да» и «нет»: верит или не верит Печорин (Лермонтов) в фатализм – не охватывают проблемы.

Привожу важнейшие из традиционно полярных решений темы. В.С. Соловьев говорит о вере М.Ю. Лермонтова в фатализм, об «убеждении в истине фатализма», хотя и неполном (Соловьев 2002. 346). Д.С.Мережковский отмечает, что у М.Ю. Лермонтова «...поразительно сильно чувство вечной необходимости, чувство рока – "фатализм"» (Мережковский 2002. 366) из-за памяти о прошлой вечности, в которой коренятся причины настоящего. Г.А. Мейер связывает предрасположенность к фатализму с русскими предчувствиями апокалипсической катастрофы и утверждает веру героя в предопределение (Мейер 2002. 884-900); И.И. Виноградов обосновывает печоринский скепсис и неверие (Виноградов 2002); Д.С. Максимов: Печорин «вплотную приблизился к фатализму», но «не сползает в него, не сливается с

Вуличем, в котором следует видеть воплощение фаталистических потенций главного героя» (Максимов 2002. 693). Далее, В.И. Левин в полемике со сторонниками о нерешенности вопроса о фатализме (Е. Михайлов, Б. Эйхенбаум, А. Титов) доказывает тезис: Печорин не верит в фатализм (Левин 2002). В 1985 г. Ю.М. Лотман обобщает мнения своих предшественников и отмечает неоднозначность печоринского отношения к фатализму, столкновение в его высказываниях «да» и «нет» (Лотман 2002).

Основная часть

Прежде чем ставить вопрос, верит ли в фатализм герой или Автор, – нужно выяснить, в какой именно фатализм, что понимается под этим словом. Для лермонтовской мысли значим целый круг версий. Печорин вместе с Автором взвешивают и испытывают различные грани фатализма. Герой новеллы при этом представлен не отвлеченным лишь мыслителем; собственно, его философская выучка остается за кадром (какое-никакое наличие ее дано в факте отрицания *метафизических прений*), но он уже и сразу экспериментатор в области мысли, готовый на рискованнейшие проверки мысли, себя в мысли, – и другого: он поддерживает Вулича в его экзистенциальном опыте. Но вряд ли правомерно называть Печорина провокатором в этом мировоззренческом эксперименте, ценой которого может стать жизнь, ведь Вулич уже произнес решающие слова: «– *Вы хотите доказательств: я вам предлагаю испробовать на себе...*». Печорин лишь заостряет необратимость этого шага своей насмешкой и нарочитым скепсисом: «– *Предлагаю пари! – сказал я шутя...*». И далее Печорин продолжает свою пренебрежительно-насмешливую игру: «*Мне надоела эта длинная церемония. – Послушайте, – сказал я, – или застрелитесь, или повесьте пистолет на прежнее место, и пойдёмте спать*». Заслуживает ли Печорин морального осуждения? Со стороны критиков он его получил в полной мере. Он ведь НЕ отговаривает человека от смертельного риска, а подталкивает к нему. Но дело не в этом. Ощущение нравственной недоброкачества ситуации связано именно с исходным

неравенством игроков, Печорин лишь из любопытства и ради спора утверждает, что *предопределения не существует*, и проверяется позиция, значимая для другого, ценой жизни этого другого. Но так можно было бы сказать, если бы не дальнейшее. Равенство в игре и в цене ее восстанавливается Печориным во втором сюжете этой истории, когда на кону стоит уже его собственная, печоринская жизнь – во втором испытании. Нравственный баланс восстановлен – к чести Печорина. И победа на стороне Печорина. Именно в этом заключается смысл второго сюжета новеллы и всей концовки романа Лермонтова.

Итак, вопрос Вулича к жизни и судьбе: «...*может ли человек своевольно располагать своею жизнью, или каждому из нас заранее назначена роковая минута...*» – поставлен как жесткая дилемма: возможность самовольного ухода из жизни или предопределенность смерти, назначенность ее на определенный временной момент. Из всех возможных представлений о предопределении выбрана жесткая заданность событий жизни, так что сценарий с точностью до минут изначально написан на небесах и не допускает ни малейшей личной свободы. Вулич, фаталист, берется доказать, что своеволие в смерти невозможно (а значит, и в иных событиях жизни). Какова логика эксперимента? Вулич снимает со стены один из пистолетов – и стреляет себе в висок. Если он убивает себя, то это может означать все что угодно, например, в фаталистическом варианте: предопределение, назначившее ему именно эту минуту для смерти, вложило в его сознание желание подобного эксперимента, который по воле судьбы и осуществлен к торжеству ее. Или трактовка ситуации в скептическом варианте: предопределения нет, а Вулич просто снял пистолет и убил себя по естественной логике жизни (словами Печорина: *застрелитесь или пойдемте спать*).

Оснований для выбора между двумя интерпретациями у свидетелей эксперимента при смертельном исходе не было бы. Судьба не допускает подобной тривиальности для своего адепта: просто застрелиться на глазах у

всех в нагнетенной атмосфере, которой пристало только особенное разрешение. Исход действительно впечатляющий: Вулич спускает курок – выстрела не последовало. Вулич остался в живых – вопреки нормальному, обычному жизненному развороту событий (печоринское «*застрелитесь*»). Значит: провидение вмешалось в этот нормальный ход жизни, отменило его, не допустило преждевременной и своевольной развязки. Ангел смерти предупредил о близости роковой минуты, но не хотел, однако, для Вулича самоубийства. И эксперимент стал острой реакцией, не попыткой спасения, а стремительным и, кажется, сознательным ходом навстречу: если это неизбежность, то... проверим, так ли это, – или, быть может, показалось... осечка! Облегчение! Проверка удалась. Ангел смерти, кажется, отступил. Но облегчение срывается неуместными тревожащими словами Печорина, который тоже почувствовал явление ангела, отпечаток на лице Вулича сказал ему именно об этом.

В напряженности момента доказательство предопределения, не допустившего своевольной смерти, кажется Печорину *разительным*. На вопрос: «– *А что? вы начали верить предопределению?*» – он признается: «*Верю; только...*». Остается лишь одно недоумение. Но об этом чуть позже.

Вопрос, стоящий перед Лермонтовым в его 25 лет, – предопределение – одна из сложнейших религиозно-философских проблем, которую стремятся разрешить различные традиции. Причем внутри и христианской, и мусульманской культуры, к которым обращается герой, можно обнаружить многообразие ответов, можно вспомнить острые богословские споры об этой проблеме. В поле зрения Печорина и античная мысль, древняя астрология. И вряд ли та или иная религиозная или философская традиция в 19 столетии могла быть воспринята Лермонтовым как дающая окончательный и исчерпывающий ответ, в полной мере удовлетворяющий ищущий истину человеческий разум. Не случайно, и опять же в различных традициях, внутри христианства и мусульманства, проблема в итоге воспринимается как превосходящая человеческое понимание. Что касается западной философии,

«метафизики», «метафизических прений», Печорин говорит о том с иронией... Важнейший источник лермонтовской мысли – личное созерцание жизни, индивидуальный опыт наблюдений, мысли и чувства, прочная опора здесь не в предшествующем, но собственное Я, личный опыт. И в поле возникающих в результате возможных многообразных ответов, различных ракурсов проблемы, разворачивается лермонтовская – столь молодая еще и столь дерзко берущаяся за сложнейшие задачи – мысль, своя, индивидуальная, и уже предопределенная к раннему обрыву.

Вот основные вариации темы судьбы в тексте «Фаталиста».

1. Прежде всего, предопределение в понимании Вулича. Оно непосредственно связано с мусульманским поверьем о написанной на небесах судьбе: *«Рассуждали о том, что мусульманское поверье, будто судьба человека написана на небесах, находит и между нами, христианами, многих поклонников; каждый рассказывал разные необыкновенные случаи pro или contra»*. Герои бытового/народного сознания подтверждают или опровергают тезис опытно, случаями из жизни, которые всегда недостоверны, но воздействуют на чувства. Эксперимент Вулича на их фоне проверяет: своеволие в смерти – или ее предопределенность во времени. Итог говорит как будто в пользу последнего. И недоумение Печорина связано не с сомнением в предопределении, но с его пониманием, со *странностью* вуличевского жесткого предопределения, столь скрупулезного в своем предписании умереть в точно означенный миг: *спасает от верной смерти за полчаса до смерти*.

2. Иное понимание предопределения намечено в новелле как христианский взгляд на судьбу, как божественное предопределение (или предвидение, провидение – эти разные идеи не разграничиваются в новелле), и суть дела связывается с проблемой греха, ответственности и воздаяния, об этом говорит Лермонтов в отточенном философском вопрошании от лица одного из присутствующих, безымянного героя из хора (народного) простодушных собеседников: *«...сказал кто-то...»*. *«И если точно есть предопределение, то зачем нам дана воля, рассудок? почему мы должны давать отчет в наших*

поступках?» Европейское христианское сознание исходит из предварительной констатации: нам даны воля и разум – ценности безусловные, европейский человек не может мыслить себя вне их, и, далее, воспитанный в христианской традиции человек утверждает как данность и свою ответственность. Приведенные слова у Лермонтова произносятся после объединяющего: *мусульманское поверье о предопределении находит и среди христиан многих поклонников...* Проблемой является именно сопряжение, а не растяжка этих жизненных реалий в простую дуальность: *воля, разум и ответственность*, с одной стороны, с другой – *предопределение*. Эта связь обозначена в народно-христианском суждении, восполняющем противопоставленное – *грехом*: «...уж коли грех твой тебя попутал, нечего делать: своей судьбы не минуешь!» По смыслу высказывания, судьба преступника – сдаться, добровольно принять наказание.

3. Астрология древних и присущий ей фатализм, а также античное представление о роке и о тщетной героической борьбе человека с судьбой – эти идеи учитываются в размышлениях Печорина о людях *премудрых, думавших, «что светила небесные принимают участие в наших ничтожных спорах за клочок земли или за какие-нибудь вымышленные права!..»* Современный человек с его скепсисом, таковым Печорин считает и себя, противопоставлен этому мироощущению: *«А мы, их жалкие потомки...»*, не способные к жертвам на благо человечества, *скитаемся по земле, не имея, как они, «...даже того неопределенного, хотя и истинного наслаждения, которое встречает душа во всякой борьбе с людьми или судьбою...»*. Печорин, несмотря на его иронию, понимает силу этой «смешной» позиции древних, утверждающей непосредственную, интимную связь жизни человека с целым космосом: *все небо с бесчисленными светилами участвует к его жизни*. Для современного человека это лишь заблуждение, но этот современный человек оказывается – в слабой и бесплодной для жизни (он отдает себе в этом точный отчет) мыслительной ситуации. Но в этих размышлениях Печорина очевидна нарочитая ирония человека, не устаивающего подвергнуть мысль глубокому

и ответственному рассмотрению – да и вообще лучше смотреть не на небо, а под ноги... тут и услужливый аргумент: иначе можно споткнуться об... убитую свинью. Итак, еще одна мнимая дуальность: либо наивная воодушевляющая вера в небесное предопределение, либо бесплодный скепсис – снимается другой дуальностью, заостренной в тоне небрежной шутки: или отвлеченные рассуждения о судьбе – или внимание к действительности. Но в круге авторского целого и здесь просматривается как возможность некая искомая цельность – связь человека с небом – и трезвый человеческий разум, охват и небесного и земного.

4. Судьба человека как естественный ход событий, вполне объяснимый с точки зрения здравого смысла и трезвого народного/ бытового суждения. Осечка? – *«Впрочем, эти азиатские курки часто осекаются, если дурно смазаны или не довольно крепко прижмешь пальцем...»*. Вулич убит пьяным казаком? – казак, может быть, не остановился бы, если б Вулич, вдруг не сказал: *«Кого ты, братец, ищешь?»* – *«Тебя!»* Мудрый Максим Максимыч снова комментитрует: *«Черт же его дернул ночью с пьяным разговаривать!..»*.

5. В круге мыслей новеллы есть и абсолютный, опытно данный фатализм в словах Печорина: *«Ведь хуже смерти ничего не случится – а смерти не минуешь!»* С этой абсолютной предопределенностью связана и обыденная/ народная, глубоко укорененная вера в то, что жизнь человека не есть случайность, но она законосообразна и индивидуальна: *своей судьбы не минуешь*. Эта бессознательная убежденность дается в ряде эпизодов новеллы и в сознании фактически всех героев «Фаталиста», кроме – казака-убийцы (ему не дано голоса), и проявлена она, прежде всего, как бытовой, речевой фатализм, утверждающий «судьбу» в привычных оборотах речи. Использование подобных выражений присуще и Печорину (*«...видно, было написано на небесах, что в эту ночь я не выплусь»*), и казакам (*«...нечего делать: своей судьбы не минуешь!»*), и Максиму Максимычу (*«Впрочем, видно, уж так у него на роду было написано...»*).

6. Народное восприятие судьбы с более глубокими нравственными, духовными оттенками – они ощутимы в часто произносимых словах *«своей судьбы не минуешь»* и *«на роду написано»*, с печально-смиренной добавкой: *«ничего делать...»*. Об этой черте русского народного сознания писал В.О. Ключевский как о «нравственном правиле, преданности судьбе, т. е. воле Божией» (Ключевский 2002. 264), всегда с оттенком грусти. В этой непосредственно наивной народной вере в судьбу божественное предопределение соединяется с ответственностью: *«...уж коли грех твой тебя попутал, ничего делать...»* – и это вносит в конце новеллы нравственную смыслоносность в предопределенность человеческой жизни. Характерно, что эта позиция – мудрость наивно простодушного христианства дана в новелле последней: Максим Максимович *«примолвил, несколько подумав:– Да, жаль беднягу... Черт же его дернул ночью с пьяным разговаривать!.. Впрочем, видно, уж так у него на роду было написано...»*. В этих словах, замыкающих всю историю, – несколько идей, точно выверенных Автором: сначала – жалость, она прозвучала и в печоринских словах о Вуличе: *«я предсказал невольню бедному его судьбу»*; потом указание, с точки зрения здравого смысла, на ошибку, роковой промах Вулича – и *«черт дернул»*, тут не обошлось без темного импульса и в душе безумного убийцы, и в странном неразумии Вулича. Наконец, итоговое: *«впрочем, видно, судьба...»*. Но предопределение *«штука довольно мудреная»* для Максима Максимыча – эта печоринская шутка снимает серьезность итога.

7. Есть в новелле и ничем не снятое, вне всякой иронии, опытно данное предопределение, обнаруживаемое в глубоких наблюдениях над жизнью остро-критического сознания и внимательного, холодного созерцающего взгляда Печорина. Оно не просто есть, но человек может его понять, угадать по точным, визуально наблюдаемым признакам, причем читать эти симптомы могут разные люди, обладающие жизненной мудростью и опытом. Об этом предопределении говорит Печорин, внимательно наблюдая за Вуличем в ходе эксперимента: *«...я читал печать смерти на бледном лице его. Я замечал,*

и многие старые воины подтверждали мое замечание, что часто на лице человека, который должен умереть через несколько часов, есть какой-то странный отпечаток неизбежной судьбы, так что привычным глазам трудно ошибиться. – Вы нынче умрете! – сказал я ему». Здесь и обнаружилось недоумение Печорина, обозначенное в начале статьи, – после осечки: дан симптом близкой смерти, он Печориным прочитывается со всей определенностью, но – подтверждения не последовало, *странное предопределение* (дважды звучит это слово применительно к ситуации) явно дало о себе знать – и обмануло, – так казалось в тот момент.

Да, ангел смерти заглянул в глаза Вуличу, и Печорин, чуткий свидетель, тонко чувствует произошедшее. Высказанное печоринское недоумение вызвало *странную* же реакцию Вулича, обнаружившую его страх смерти (Мейер 2002. 895). Но и нечто иное. *«Этот же человек, который так недавно метил себе преспокойно в лоб, теперь вдруг вспыхнул и смутился. – Однако же довольно! – сказал он, вставая, пари наше кончилось, и теперь ваши замечания, мне кажется, неуместны... – Он взял шапку и ушел. Это мне показалось странным – и недаром!..».* Действительно, у Вулича была причина для смущения: Печорин *неуместными* словами подтвердил его предчувствие, возможность близкой минуты смерти, не предотвращенную, не снятую, как оказалось теперь, отчаянным деянием... Вулич уходит в этом встревоженном состоянии смущения – навстречу случаю, сведшему его с обезумевшим казаком, и его неточная, ошибочная реакция на случай (зачем же *ночью с пьяным разговаривать*) не без подсказки темной силы (*черт дернул*) приводит к смерти. Казалось бы, сцеплением обстоятельств предопределение ведет человека к заданной точке. И в ней мог ли Вулич одолеть судьбу, в случае *незахваченности* смущением и страхом мог ли он *не* остановить пьяного казака, если бы реакция его была точной и здоровой? Этот оклик – значительный симптом. Автор подчеркивает: казак *«...может быть, прошел бы мимо, не заметив его...».* Предсмертные слова Вулича сказали о том, что он не мог отделаться и в свои последние минуты от смятения, вызванного печоринской

реакцией: «...он был уже при последнем издыхании и сказал только два слова: «Он прав!» Я один понимал темное значение этих слов: они относились ко мне». И здесь Печорин не шутит, куда там! Он совершенно серьезен – перед этим стечением судеб, в котором он оказался соучастником и угадчиком. И здесь вновь подтверждение, самое глубокое в новелле, того, что названо выше опытным фатализмом: жизнь учит чуткого к ней человека слышать голос неотвратимого или созревающего будущего, знать этот предупреждающий об опасности голос в своей душе, *точно* понимать его.

9. Серьезности этого, данного в опыте жизни, печоринского фатализма противостоит его же принцип сомнения и проверки всего, особенно в том, что касается объяснения, теоретической оценки произошедшего в жизни. Печорин напрямую подвергает сомнению – не само предопределение, а напрашивающийся вывод из собственного переживания, утверждая в итоге сомнение как нечто самое несомненное: «*Но кто знает наверное, убежден ли он в чем или нет?.. и как часто мы принимаем за убеждение обман чувств или промах рассудка!..*»; «*0 ... имея правило ничего не отвергать решительно и ничему не вверяться слепо...*»; «*...я люблю сомневаться во всем...*». Наконец: «*Происшествие этого вечера произвело на меня довольно глубокое впечатление и раздражило мои нервы; не знаю наверное, верю ли я теперь предопределению или нет, но в этот вечер я ему твердо верил...*». После «да» на вопрос Вулича, «*верит*» ли он теперь, после его эксперимента, предопределению, Печорин наедине с собой подтверждает: «*твердо верил*» тому, чему тут же и посмеялся. Но в вере, как в чувстве, как и в выводах рассудка, Печорин не склонен отдаваться их течению, он останавливает себя – и смотрит под ноги. Он внимательно созерцает жизнь, дает ей высказаться, слушает ее язык. В отличие от Вулича. Его *твердая вера*, основанная на личном опыте наблюдения, и его *сомнение во всем* здесь сходятся и неполны друг без друга. Вопреки стараниям филологов выбрать одну из полярностей в качестве однозначного ответа.

10. Наконец, еще один и едва ли не самый темный, древний лик

предопределения – иррациональная, тёмная, бессмысленная судьба: два зарубленных кровавых тела в темной станице, труп Вулича и туша свиньи... Об этом «дьявольском параллелизме» писал Г.А. Мейер: «метафизическая авантюра, предпринятая Вуличем, пробуждает разгневанный Рок» (Мейер 2002. 896). Да, будто темный и мстительный рок, *разбуженный экспериментом, обрушивается на него*, как... пьяный казак с шашкой... не разбирающий ничего на своем пути, – этот образ судьбы, ее бессмысленного действия дан у Лермонтова в жесткости оскорбительного сопоставления, для такой судьбы равно: что свинья, что яркая и сложная человеческая жизнь. Как будто ничто не снимает в новелле этого жесткого оттенка: безжалостного издевательства свирепой судьбы. И какая странная логика: Вулич как будто доказывает не-всесильность смерти: она не может коснуться человека, если его час не пришел. Но эта пристыженная на миг судьба-смерть отыгрывается: уравнивает в смерти со свиньей, так же случайно попавшейся под пьяную руку. И сам этот эксперимент Вулича – предстает в этом свете как... нечестивый, да ведь и раньше стоило сказать: в эксперименте Вулича изначально звучала эта нота – недолжности... Как будто в строе бытия нарушено нечто этим деянием, этим любопытствующим приравнением жизни к карточной игре. Заслужен ли этот финал, эта оценка его жизненной позиции – как «свинство», Вуличем, с его старанием *иметь вид существа особенного*, дерзко обращающегося с судьбой? Возможно, мы ощутим здесь некую логику судьбы Вулича, в его отношении к предопределению-счетоводу, но не разгадаем ее, если мы смотрим только на эту, текущую в этом отрывке жизнь... Но эта туша зарубленной свиньи, о которую *едва не споткнулся* Печорин, – это безобразие в действии предопределения, кажется, ничем в новелле не снято...

10. Ничем не снято – сказалось у меня? Да, в рамках первого сюжета, в котором так легко *споткнуться* мысли. Ведь начальный вопрос Вулича делает предопределение регистратором событий жизни, расписавшим во времени ее сюжет с дотошной точностью. Но Вулич, идеолог однолинейного мира, в котором нет свободы, смущен при встрече с многогранным и сложным

предопределением в версии Печорина... и утверждает это в своем итоговом «он прав...». Итак, последнее в круге версий и в самом романе Лермонтова: предопределение и свобода. Да, возможны иные, чем у Вулича, отношения с судьбой, и Печорин, выше всего ценящий свободу, разрешает этот эффект павшего тяжким грузом предопределения: человек как игрушка рока, подобного шашке безумца. Стремительно разворачивается второй сюжет: пьяного казака, убийцу Вулича, отказывающегося сдаться, убедить нельзя, при захвате он может еще кого-то *положить*... Высказано и предложение *пристрелить* его через щель – на глазах у его матери-старухи. И Печорин – из свободно принятого решения: *я вздумал*... – начинает свой эксперимент, поединок с судьбой, однако полный смысла, спасительный, разумный: он, не говоря этого, по сути: спасает убийцу от смерти без осознания содеянного и без покаяния, спасает других казаков – от риска смерти в прямой попытке захвата, мать казака – от отчаяния. Себя – от оскорбительности той судьбы, которая так бесстыдно показывает свой безумный лик. Без всяких патетических и высоких слов он говорит свое, облегченное: «...подобно Вуличу, я вздумал испытать судьбу». И если он отяготил собственную судьбу любопытствующим равнодушием к чужой жизни, согласившись поставить на кон эту чужую жизнь при собственной комфортной безопасности в роли зрителя, то далее, в новой ситуации, по сути речь идет о попытке немедленного уравнивания, о выравнивании баланса – в новелле Лермонтова в сплетении судеб, в ключевой точке, где все сошлось, осязаемы творящие кармические силы и действия их незамедлительны: Печорин решает стать *подобным Вуличу*, он тоже делает ставкой в игре свою жизнь. Но это испытание судьбы – из иного понимания ее, и видно в каждой детали: этот эксперимент есть продуманная, тщательно спланированная, разумная и имеющая разумную цель, хоть и рискованная операция (Левин 2014. 760-761). Она дает право на равенство с Вуlichem в риске и в мужестве, но противопоставляет его промахивающимся, неточным отношениям с судьбой – иные, здесь цель и мужество смыслоносны.

Пафос философско-морализаторский менее всего присущ Печорину, он был бы смешон сам себе в излишней серьезности неуместных метафизических и нравственных сентенций. Другое дело деяние, поступок, мужество, воля – уже в начале статьи сказалось это слово: *победа* Печорина, и я продолжаю здесь о ней: это не только победа в печоринском явном и очевидном поединке с казаком-убийцей. Это и победа Печорина – в неназванном поединке с Вуличем, в споре о предопределении, в жизненном соотношении двух позиций по отношению к судьбе – *было с чем поздравлять!* – говорит Печорин себе без ложной скромности, не договаривая: личная, у каждого *своя* судьба, как индивидуальный закон жизни, теперь по принципу внутреннего сродства может стать не слепым роком в ответ на слепой вызов, как у Вулича, но разумным и благим причинно-следственным законом в ответ на добрую волю и разум. Здесь сложность жизни, свобода в решениях и поступках, глубина и многогранность предопределения.

Конечно, победа в печоринской жизни и судьбе! Но... Последнее, уход в иронию оборачивается у Печорина в конечном счете недоговоренностью мысли, отказом от нее, ведь если привычно снимать неразрешенность мысли несомненностью сомнения, то судьбой мысли станет ее провал. Не случайно итог итогов в судьбе Печорина волей Лермонтова – смерть на большой дороге на обратном пути из Персии...

Да, недоговоренность темы предопределения в новелле при рассмотрении ее с многих и разных точек зрения... их соотношение, их изменчивость и движение в новелле – при ряде острых полярностей, при главном противопоставлении двух типов взаимоотношений с судьбой у Вулича и Печорина, лежащем в основе композиции целого; при сопоставленности печоринского и простонародно-мудрого отношения к судьбе, схождении простоты и сложности, бессознательной мудрости и разумного скепсиса – все это в единстве целого круга обозначает возможность пути к человеческой свободе, достоинству, мудрости и мужеству перед судьбой – и к творению собственной судьбы в сфере ее открытости, и к приятию ее – в ее неизбежности.

Заключение

В результате в новелле намечается сложное и невыговоренное единство разных граней: несомненность предопределения и его необъяснимые в узком пространстве одной жизни странности, роковые случайности и их обыденные причины, разумность человека и его слепота перед лицом творящих и грозных сил, действие providения через разумные причинно-следственные связи и его слепой жестокий лик, различные степени его жесткости и неотвратимости и возможность свободы, творения свой личной судьбы, изначальная связь предопределения с грехом и ответственностью. Это сложное единство Лермонтов и обрисовывает в своей мастерски построенной новелле, в рамках изящной словесности, нигде не выходящей в трактат, и тема ее в как будто спонтанно сменяющихся вариациях звучит без явного нарастания, не устремляясь к конечной высокой кульминации или к разрешению. Здесь лишь начало, исполненное драматизма жизненное поле, и писатель играет многими гранями в многозначности центральной проблемы, из круга которых открываются пути для дальнейших проникновений, пути, к которым мог бы он обратиться далее. Если бы не *вечно печальная дуэль...*

Литература

- 1- Виноградов И.И. (2002). *Философский роман Лермонтова // М.Ю. Лермонтов: pro et contra. Личность и творчество Михаила Лермонтова в оценке русских мыслителей и исследователей. Антология.* СПб., Изд-во «РХГИ». С. 634-657.
- 2- Ключевский В.О. (2002). *Грусть (Памяти М.Ю.Лермонтова) // М.Ю. Лермонтов: pro et contra. Личность и творчество Михаила Лермонтова в оценке русских мыслителей и исследователей. Антология.* СПб., Изд-во «РХГИ». С. 247-264.
- 3- Левин В.И. (2014). *"Фаталист". Эпилог или приложение? // М.Ю.Лермонтов: pro et contra. Личность и идейно-художественное наследие М.Ю. Лермонтова в оценках отечественных и зарубежных исследователей и мыслителей. Антология. Том 2.* СПб., Изд-во «РХГА». С. 754-764.
- 4- Лотман Ю.М. (2002). *Проблема Востока и Запада в творчестве позднего Лермонтова // М.Ю. Лермонтов: pro et contra. Личность и творчество Михаила Лермонтова в оценке русских мыслителей и исследователей. Антология.* СПб., Изд-во «РХГИ». С. 802-824.

- 5- Максимов Д.С. (2002). *Проблематика и поэтика поэмы Лермонтова "Мцыри"* // М.Ю. Лермонтов: pro et contra. Личность и творчество Михаила Лермонтова в оценке русских мыслителей и исследователей. Антология. СПб., Изд-во «РХГИ». С. 666-693.
- 6- Мейер Г.А. (2002). *Фаталист* // М.Ю. Лермонтов: pro et contra. Личность и творчество Михаила Лермонтова в оценке русских мыслителей и исследователей. Антология. СПб., Изд-во «РХГИ». С. 884-899.
- 7- Мережковский Д.С. (2002). *М.Ю. Лермонтов. Поэт сверхчеловечества.* // М.Ю. Лермонтов: pro et contra. Личность и творчество Михаила Лермонтова в оценке русских мыслителей и исследователей. Антология. СПб., Изд-во «РХГИ», С. 348-387.
- 8- Соловьев В.С. (2002). *Лермонтов* // М.Ю. Лермонтов: pro et contra. Личность и творчество Михаила Лермонтова в оценке русских мыслителей и исследователей. Антология. СПб., Изд-во «РХГИ». С. 330-347.

Bibliography

- 1- Vinogradov I.I. (2002). *Filosofskij roman Lermontova* // M.Ju. Lermontov: pro et contra. Lichnost' i tvorcestvo Mihaila Lermontova v ocenke russkih myslitelej i issledovatelej. Antologija. SPb., Izd-vo «RHGI». S. 634-657.
- 2- Kljuchevskij V.O. (2002). *Grust' (Pamjati M.Ju.Lermontova)* // M.Ju. Lermontov: pro et contra. Lichnost' i tvorcestvo Mihaila Lermontova v ocenke russkih myslitelej i issledovatelej. Antologija. SPb., Izd-vo «RHGI». S. 247-264.
- 3- Levin V.I. (2014). *"Fatalist". Jepilog ili prilozhenie?* // M.Ju.Lermontov: pro et contra. Lichnost' i idejno-hudozhestvennoe nasledie M.Ju. Lermontova v ocenkah otechestvennyh i zarubezhnyh issledovatelej i myslitelej. Antologija. Tom 2. SPb., Izd-vo «RHGA». S. 754-764.
- 4- Lotman Ju.M. (2002). *Problema Vostoka i Zapada v tvorcestve pozdnego Lermontova* // M.Ju. Lermontov: pro et contra. Lichnost' i tvorcestvo Mihaila Lermontova v ocenke russkih myslitelej i issledovatelej. Antologija. SPb., Izd-vo «RHGI». S. 802-824
- 5- Maksimov D.S. (2002). *Problematika i pojetika pojemy Lermontova "Mcyri"* // M.Ju. Lermontov: pro et contra. Lichnost' i tvorcestvo Mihaila Lermontova v ocenke russkih myslitelej i issledovatelej. Antologija. SPb., Izd-vo «RHGI». S. 666-693.
- 6- Mejer G.A. (2002). *Fatalist* // M.Ju. Lermontov: pro et contra. Lichnost' i tvorcestvo Mihaila Lermontova v ocenke russkih myslitelej i issledovatelej. Antologija. SPb., Izd-vo «RHGI». S. 884-899.

- 7- Merezhkovskij D.S. (2002). *M.Ju. Lermontov. Pojet sverhchelovechestva. // M.Ju. Lermontov: pro et contra. Lichnost' i tvorcestvo Mihaila Lermontova v ocenke russkih myslitelej i issledovatelej. Antologija.* SPb., Izd-vo «RHGI», S. 348-387.
- 8- Solov'ev V.S. (2002). *Lermontov // M.Ju. Lermontov: pro et contra. Lichnost' i tvorcestvo Mihaila Lermontova v ocenke russkih myslitelej i issledovatelej. Antologija.* SPb., Izd-vo «RHGI». S. 330-347.

چکیده‌های فارسی

موضوع «تقدیر» در تعبیرات «قضا و قدری» لرمانتف

تاتیانا الکساندرنا کاشمچوک*

استاد گروه زبانشناسی و روابط بین‌الملل دانشکده حقوق دانشگاه دولتی کشاورزی سن‌پترزبورگ.

سن‌پترزبورگ، روسیه.

(تاریخ دریافت: مارس ۲۰۱۶؛ تاریخ پذیرش: ژوئیه ۲۰۱۶)

در مقاله حاضر، مسئله تقدیر، آن‌گونه که در بخش «قضا و قدری» رمان لرمانتف به تصویر کشیده شده، بررسی و تحلیل می‌شود. این چالش به شکل دوگانگی معمولی میان ایمان یا عدم ایمان به سرنوشت مطرح نمی‌شود؛ بلکه طیف گسترده‌ای از تصورات گوناگون را از سرنوشت که در درون متن لرمانتف آزموده می‌شوند؛ مانند: تعبیر اسلامی، درک مسیحی و تصور عامیانه از سرنوشت، تقدیر در باورهای اساطیری، سرنوشت از دیدگاه عقل سلیم و ذهن منتقد معاصر برآمده از تجربه عمیق زندگی را در بر می‌گیرد. مبانی ترکیبی این تعبیرات گوناگون از موضوع سرنوشت، بر مبارزه میان دو نماینده اصلی دو نگرش به سرنوشت، در دو آزمون وولپچ و پیچورین استوار است.

واژگان کلیدی: لرمانتف، تقدیرگرایی، تقدیر، آزمون، سرنوشت، گناه، آزادی.